

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9067242

Аннотация

«Наша семья владела небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти сыновей. Отец отправил меня, четырнадцатилетнего, в колледж Св. Эммануила в Кембридже, и на протяжении двух с половиной лет я усердно грыз гранит науки. Однако моему отцу, имевшему весьма скромное состояние, стало трудно оплачивать обучение, и он забрал меня из колледжа. Было решено продолжить мое образование у мистера Джеймса Бетса, знаменитого лондонского хирурга. Там я и прожил следующие четыре года. Небольшие деньги, которые изредка посылал мне отец, я тратил на изучение навигации и математики – мне очень хотелось в будущем стать путешественником. Медицинское образование я завершил в городе Лейдене, где провел более двух лет; вся моя родня – в особенности отец и дядя Джон – помогали в осуществлении моей мечты: стать судовым врачом и посвятить жизнь дальним морским странствиям...»

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

«The Travels into Several Remote Nations of the World by Lemuel Gulliver, first a Surgeon, and then a Captain of Several Ships» by Jonathan Swift

По изданию:

Свифт Дж. Путешествия Гулливера по многим отдаленным и неизвестным странам света. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1901.

Часть первая Лилипутия

Глава 1

Наша семья владела небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти сыновей. Отец отправил меня, четырнадцатилетнего, в колледж Св. Эммануила в Кембридже, и на протяжении двух с половиной лет я усердно грыз гранит науки. Однако моему отцу, имевшему весьма скромное состояние, стало трудно оплачивать обучение, и он забрал меня из колледжа. Было решено продолжить мое образование у мистера Джеймса Бетса, знаменитого лондонского хирурга. Там я и прожил следующие четыре года. Небольшие деньги, которые изредка посылал мне отец, я тратил на изучение навигации и математики – мне очень хотелось в будущем стать путешественником. Медицинское образование я завершил в городе Лейдене, где провел более двух лет; вся моя родня – в особенности отец и дядя Джон – помогали в осуществлении моей мечты: стать судовым врачом и посвятить жизнь дальним морским странствиям.

По возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя мистера Бетса, нанялся хирургом на судно «Ласточка», ходившее под командованием капитана Авраама ПANNELЛА. С ним я проплавал три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант и другие страны.

Вернувшись в Англию, я принял решение на время поселиться в Лондоне и поработать практикующим врачом, что одобрил и мистер Бетс, который всячески мне содействовал в этом начинании. Пациентов я принимал в небольшом доме неподалеку от Олд-Джюри, где проживал и сам, дела мои пошли неплохо, и вскоре я женился на мисс Мери Бертон, младшей дочери мистера Эдмунда Бертон, чулочного торговца с Ньюгейт-стрит. Моя невеста была милой и разумной девушкой с приданым в четыреста фунтов стерлингов.

Спустя два года доктор Джеймс Бетс умер; друзей в Лондоне у меня оставалось немного, заработок мой значительно сократился. Совесть не позволяла мне подражать шарлатанству некоторых моих коллег, и я начал подумывать о прекращении медицинской практики. Посоветовавшись с женой и знающими людьми, я решил снова отправиться в море.

Я был хирургом сперва на одном, а потом на другом торговом судне и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию, что несколько поправило мое финансовое положение. Уходя в море, я запасался книгами и все свободное время посвящал чтению; на берегу же изучал нравы, обычаи и языки туземцев, что при моей отличной памяти давалось мне легко. Последнее из этих плаваний было не слишком удачным, и я, утомленный морскою жизнью, решил больше не покидать жену и детей.

Мы перебрались из Олд-Джюри на Феттер-лейн и уже оттуда в Уоппин, поближе к гавани, где я надеялся рано или поздно получить выгодное предложение, но эта надежда оправдалась не скоро. Спустя три года мне наконец повезло – капитан Уильям Причард, хозяин судна «Антилопа», предложил мне место на своем корабле. Четвертого мая 1669 года мы снялись с якоря в Бристоле, и начало нашего плаванья в южные широты Тихого океана оказалось в высшей степени удачным.

Однако при переходе от Магелланова пролива к Ост-Индии наше судно было отброшено страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли. Двенадцать членов экипажа умерли, здоровье остальных было подорвано переутомлением и скверной пищей. Пятого ноября – в Южном полушарии как раз начиналось лето – стоял густой туман, но сильный

ветер не утихал, и вахтенный слишком поздно заметил опасность. Корабль швырнуло на скалы, и он мгновенно разбился в щепки.

Шестерым из экипажа, и мне в том числе, удалось спустить шлюпку, чтобы попытаться добраться до берега. Сидя на веслах, мы отчаянно боролись с волнами на протяжении трех миль, пока с севера не налетел шквал, опрокинувший нашу лодку. Я вынырнул и поплыл к видневшейся в отдалении земле, подгоняемый ветром и приливом. Что случилось с моими товарищами, как и с теми, кто тщетно искал убежища на скалах, о которые разбился наш корабль, мне так и осталось неизвестным...

По мере того как приближалась земля, волны становились все меньше, ветер стихал. Наконец мои ноги коснулись дна, но пришлось брести по воде более мили, прежде чем я выбрался на берег. По моим предположениям, это случилось около девяти часов вечера. Превозмогая слабость, я прошел еще около полумили, но так и не увидел никаких признаков жилья. Я очень устал, ноги отказывались мне служить, меня одолевал сон. В конце концов я улегся на короткую шелковистую траву и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Однако ни подняться, ни сдвинуться с места я не смог. Я уснул на спине, а теперь оказалось, что руки и ноги словно прикованы к земле, волосы же мои, густые и длинные, как бы приклеились к траве. От подмышек до бедер я был опутан множеством тонких бечев. Голову повернуть не удавалось, и я мог смотреть только в небо; солнце жгло мое лицо и слепило глаза. Вокруг бурлила какая-то деятельная жизнь, однако положение, в котором я находился, не позволяло понять происхождение странных звуков.

Вскоре я почувствовал, что по моей левой ноге движется что-то живое, осторожно пробирается ко мне на грудь и приближается к подбородку. Опустив глаза, я с трудом разглядел человеческое существо ростом не более шести дюймов, в руках которого находился крохотный лук, а за спиной – колчан. И тут же я понял, что вслед за этим существом по моему телу движется множество подобных созданий. От удивления я так громко вскрикнул, что незванные гости в ужасе бросились врассыпную и попадали на землю, однако не прошло и пяти минут, как они снова вернулись. Один человек отважился совсем близко подобраться к моему лицу, изумленно всплеснул ручонками и что-то громко прокричал остальным. Я не понял ни одного слова.

Представьте, в каком положении я находился все это время – неподвижно распластанный на земле и не имеющий возможности даже пошевелиться. В конце концов мне посчастливилось, сделав огромное усилие, порвать несколько бечев и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука. Только поднеся ладонь к лицу, я понял, на какие хитрости пустились эти существа, чтобы связать меня. Резким рывком, причинившим мне нестерпимую боль, я несколько ослабил веревки, державшие в плену мои волосы, что позволило повернуть и немного приподнять голову. Однако мне не удалось схватить никого из человечков, потому что они мигом пустились наутек. Я услышал их пронзительные вопли и тут же почувствовал, что в мою левую руку впиваются сотни острых, словно швейные иглы, стрел. У меня было такое чувство, будто я попал в осиное гнездо, – несколько стрел вонзились мне в лицо, которое я поспешил прикрыть освободившейся рукой. Как только этот колючий ливень утих, я застонал от боли и бессильного гнева и вновь попытался освободиться, однако последовала новая атака лучников; вдобавок мучители кололи мои бока пиками и копьями. К счастью, их наконечники не могли пробить кожаную куртку, которая была на мне. Решив, что лучше не сопротивляться и спокойно дожидаться наступления темноты, я вытянулся на траве. Ночью, подумал я, мне удастся освободиться от пут, а что касается этих маленьких злобных вояк, то уж с ними я как-нибудь справлюсь.

Однако судьба распорядилась иначе. Как только человечки заметили, что я успокоился, они немедленно прекратили обстрел; тем временем шум вокруг меня нарастал, и я дога-

дался, что численность захвативших меня в плен созданий возрастает с каждой минутой. С расстояния четырех ярдов от моего правого уха до меня доносился равномерный стук, продолжавшийся около часа. Повернув голову, насколько это оказалось возможно, я скосил глаза и увидел деревянный помост высотой в полтора фута и ведущую к нему лестницу. Помост был довольно широким, но вскоре я понял, что он строился всего лишь для одного человечка.

По-видимому, меня решила навестить важная персона.

Взобравшись на помост, знатный господин три раза прокричал: «*Лангро дегиль сан!*» – и веревки, опутывавшие мою голову, были немедленно перерезаны. Я смог внимательно рассмотреть своего гостя. Это была особа мужского пола средних лет, ростом повыше своей свиты; один из сопровождающих, высотой в мой мизинец и по виду паж, держал шлейф вельможи, двое других почтительно замерли по обе стороны. Ко мне обратились с длинной речью, из которой я не понял ни слова, однако звучала она как речь опытного оратора. Человечек долго говорил, угрожающе жестикулируя, пока в его властном голосе не послышались благосклонные нотки; закончил он, как я понял, выражением сожаления и неопределенными обещаниями.

Я дал ему понять, что покорюсь любому его решению, при этом закатил глаза и слегка приподнял руку, как бы призывая небо в свидетели моей искренности и смирения. Меня мучили голод и жажда – в последний раз я ел за несколько часов перед тем, как покинуть корабль. Потому, вопреки этикету, я несколько раз поднес ладонь ко рту, желая показать, что умираю от голода. *Гурго* (так называют в Лилипутии сановников) отлично понял этот жест. Он важно спустился с помоста и тут же приказал меня накормить.

Сейчас же к моим бокам были приставлены лестницы, по которым ко мне на грудь взобралась сотня человечков с корзинами, полными разнообразной еды, – кушанья были приготовлены и доставлены сюда по приказу монарха, правителя Лилипутии, едва до него дошла весть обо мне. Человечки бодро направились к моему рту. В меню входило жаркое, но из каких именно животных, я не разобрал; все эти лопатки, окорочка и филейные части, отменно приготовленные, по вкусу напоминали баранину. Особенность моего завтрака состояла лишь в том, что любое блюдо по объему не превосходило крылышка жаворонка. Я проглатывал сразу по нескольку порций вместе с тремя хлебами, каждый из которых был не больше ружейной пули. Человечки расторопно прислуживали мне, поражаясь моему аппетиту и огромному росту.

Глядя на то, как стремительно пустеют корзины, слуги поняли, что малым я не удовлетворюсь, и поэтому, когда дело дошло до питья, с помощью веревок подняли самую большую бочку, подкатили к моей руке и ловко вышибли дно. Я одним духом осушил всю бочку, вмещавшую не более полупинты легкого вина, по вкусу напоминавшего наше бургундское. Вторая бочка лишь раззадорила меня, и я попросил добавки, однако, к сожалению, вино закончилось.

Все это время человечки приплясывали на моей груди и вопили: «*Гекина дегуль!*», показывая знаками, чтобы я ради потехи сбросил обе бочки на землю. Признаюсь, мне с трудом удалось подавить желание схватить первых попавшихся под руку весельчаков и отправить их вслед за пустыми бочками. Но я дал слово вести себя смирно и не хотел новых неприятностей. Кроме того, я считал себя связанным узами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел сил и затрат на великолепное угощение.

И следует признать – эти крохотные изобретательные существа были кем угодно, только не трусами. Я должен был казаться им гигантским чудовищем, но они с отчаянным бесстрашием взбирались на меня и разгуливали, оживленно беседуя и не обращая никакого внимания на то, что одна моя рука оставалась свободной и при желании могла бы всех их стереть в порошок.

Как только веселье поутихло, ко мне на грудь в сопровождении многочисленной свиты поднялся посланник короля. Вскрабкавшись наверх, посольство приблизилось к моей голове. Посланник предъявил верительные грамоты, скрепленные королевской печатью, поднеся их к моим глазам, и минут десять что-то энергично говорил, – видимо, здесь любили торжественные речи. В его словах не было ни малейших признаков угрозы, он обращался ко мне с достоинством, то и дело указывая куда-то вдаль; наконец я догадался, что решено доставить меня в столицу королевства, которая, как я узнал позднее, находилась на расстоянии полумили от побережья. Стараясь не задеть сановных лилипутов, я показал жестом, что все еще связан и пора бы меня освободить.

Вероятно, меня поняли, однако важная особа отрицательно покачала головой и, в свою очередь жестикую, пояснила, что я останусь пленником, но при этом со мной будут хорошо обращаться, кормить и поить. У меня тут же возникло непреодолимое желание освободиться самостоятельно, но воспоминание о ливне маленьких жгучих стрел, боль от которых я все еще чувствовал, охладило меня, и я покорно опустил веки. Довольные моим смирением, посланник короля и его свита любезно раскланялись и удалились под всеобщее ликование и громкие крики. Я остался лежать на траве.

Раны на лице и левой руке смазали каким-то приятно пахнущим снадобьем, которое тут же уняло боль и зуд. Затем были перерезаны путы, но только с левой стороны, и я тут же повернулся на правый бок и справил малую нужду, заставив человечков броситься врассыпную от мощного и шумного, как им казалось, потока. Сытый и довольный, вскоре я крепко уснул. Проспал я – как выяснилось потом – около восьми часов, и в этом не было ничего удивительного, потому что лилипутские медики подмешали сонного зелья в обе бочки с вином.

Дело, по-видимому, обстояло так. Как только меня нашли спящим на берегу после кораблекрушения, в столицу без промедления отправили гонца с донесением королю. Тотчас собрался государственный совет, на котором было принято решение лишить меня возможности передвигаться – что и было исполнено ночью, – затем накормить, усыпить и доставить в столицу. Такое решение на первый взгляд может показаться неразумным и слишком смелым, однако я пришел к убеждению, что в подобном случае ни один европейский государственный деятель не поступил бы столь гуманно. В самом деле: допустим, меня бы попытались убить. И что же? Почувствовав уколы от микроскопических стрел, я бы проснулся и в припадке ярости порвал путы, а затем уничтожил все живое, попавшее мне на глаза.

Среди этого народа имелись превосходные математики и механики. Как я узнал позже, король лилипутов поощрял и поддерживал развитие наук и всяческих ремесел. В местах, где рос лес, здесь строились большие военные корабли – до девяти футов в длину. Затем корабли поднимали на специальные платформы и перевозили к морю, так что опыт сооружения транспортных средств у лилипутов имелся. Инженерам и пятистам плотникам было велено немедленно приступить к строительству крупнейшей из таких платформ. Я еще продолжал спать, когда готовая платформа уже стояла параллельно моему неподвижному телу, вызывая шумное одобрение окружающих. Она имела двадцать две пары колес и достигала семи футов в длину и четырех в ширину, возвышаясь при этом на три дюйма над землей.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять меня и уложить на помост. Для этой цели – как мне позже рассказали – были вбиты в землю восемьдесят свай вышиною в фут и приготовлены прочные канаты, которые крепились крючьями к многочисленным повязкам, которыми я был спеленут, как младенец. Девятьсот отборных силачей взялись за дело и начали тянуть канаты с помощью блоков, прикрепленных к сваям. Чтобы переместить мое тело, понадобилось не меньше трех часов. Наконец меня уложили на платформу, крепко привязали, и полтысячи самых рослых лошадей, какие только нашлись в королевских конюшнях, повезли меня в столицу.

Мы находились в пути уже четыре часа, когда я проснулся – этому способствовал забавный случай. Повозка остановилась перед небольшим препятствием; воспользовавшись этим, пара молодых лилипутов из любопытства взобралась на платформу и тихонько прокралась к моему лицу. Один из них, очевидно солдат, сунул мне в ноздрю острие своей пики и принялся щекотать, словно соломинкой. Я оглушительно чихнул и открыл глаза. Храбрецов как ветром сдуло, но я проснулся и мог наблюдать все, что в дальнейшем происходило вокруг.

Когда стемнело, мы расположились передохнуть. Но и тогда меня строго охраняли при свете факелов и не давали возможности даже пошевелиться. На рассвете повозка-платформа со скрипом тронулась в путь и уже к полудню находилась в двухстах ярдах от городских ворот. Король и весь двор вышли нам навстречу, однако его величеству в целях безопасности посоветовали не подниматься на мое обездвиженное тело.

На площади, где остановился наш караван, возвышался огромный древний храм. Несколько лет назад этот храм был осквернен убийством, и с тех пор жители столицы перестали ходить туда на службы. Храм закрыли, вынесли из него все убранство, и он долго стоял пустым. В этом здании и решено было меня поместить.

Широкий вход в бывшее святилище давал мне возможность свободно вползти внутрь, что я и сделал, когда меня освободили от дорожных пут. По обе стороны двери на расстоянии каких-нибудь семи дюймов от земли были расположены два оконца; в одно из них придворные кузнецы пропустили девяносто одну цепочку вроде тех, на которых наши европейские дамы носят свои часики. К моей левой ноге приковали миниатюрные цепи с тридцатью шестью висячими замочками. Напротив моей тюрьмы на расстоянии двадцати футов стояла башня, куда вошел король вместе с придворными, чтобы понаблюдать за мной, – сам же я его не видел. Около ста тысяч лилипутов с той же целью покинули свои дома. Наконец, убедившись, что бежать отсюда я не смогу, меня оставили в покое.

В самом скверном расположении духа я поднялся на ноги и повел плечами, разминая онемевшие мышцы. Тут-то и выяснилось, что прикованные к моей ноге цепочки длиной около двух ярдов позволяют мне не только выходить из храма наружу и прохаживаться, описывая полукруг, но и, вернувшись, без помех укладываться на полу во весь рост.

Глава 2

Пришло время осмотреться, что я и сделал. Окрестности храма представляли собой сплошной пышный сад, а огороженные поля, каждое из которых занимало не более сорока квадратных футов, напоминали цветочные клумбы. Поля чередовались с лесом, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, достигали лишь семи футов. Слева лежал город, похожий на пестро раскрашенную театральную декорацию.

Пока я любовался этой необычной картиной, король уже спустился с башни и верхом на лошади направился в мою сторону, едва не поплатившись за подобную смелость. Его отменно выезженный конь при виде меня испугался – вероятно, ему показалось, что на него движется гора. Животное взвилось на дыбы, но король, будучи превосходным наездником, сумел удержаться в седле, пока подбежавшие слуги не схватили коня под узцы и не помогли всаднику сойти. Утвердившись на ногах и сохраняя полное спокойствие, его величество внимательно рассмотрел меня со всех сторон, впрочем не приближаясь. Затем он велел меня накормить и напоить, что тут же было исполнено. Лакеи, бывшие наготове, подкатывали тележки с провизией на расстояние моей вытянутой руки; я быстро опорожнил двадцать тележек с разнообразными кушаньями и десять с винами. Королева, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами окружили короля, и теперь вся компания наблюдала за мной, затаив дыхание.

О правителе Лилипутии хотелось бы сказать особо, так как позже я с ним неоднократно встречался, а разобравшись в лилипутском наречии, подолгу беседовал, для чего мне приходилось ложиться на бок, а он располагался всего в трех ярдах от моего лица. Когда мы подружились, я даже сажал его величество на ладонь, где король бесстрашно расхаживал, продолжая разговор. Он вполне был достоин своего положения и благополучно правил страной уже более семи лет, окруженный любовью подданных.

Внешность короля была примечательной. Росточком он был повыше своих придворных, с внушительной осанкой, с мужественными и строгими чертами округлого лица. Нос крючковатый, кожа оливковая, нижняя губа слегка оттопырена. Осанка его пропорционально сложенного тела была величественной, движения сдержанными и грациозными. Король уже переступил границу цветущей молодости, однако от него веяло отменным здоровьем и силой. Его одежда была скромной, обычного покроя – нечто среднее между азиатским и европейским стилем; королевскую голову украшал легкий золотой шлем, усыпанный драгоценными камнями, а в руке он держал обнаженную шпагу длиной около трех дюймов, на ножнах и эфесе которой сверкали мелкие бриллианты. Голос у его величества оказался пронзительный, чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог без труда различать произносимые им слова.

В отличие от короля, придворная свита – а в особенности дамы – были настолько пышно разодеты, что, собравшись вместе, походили на волнующуюся ткань, расшитую золотыми и серебряными узорами.

Наконец его величество, приблизившись, начал задавать вопросы, на которые я пытался отвечать, но, увы, из нашего диалога ничего не вышло – мы совершенно не понимали друг друга. Короля сменили, судя по одежде, священник и юридическое лицо – теперь им было поручено вступить со мной в разговор. Я пробовал говорить на всех языках, с которыми был хоть немного знаком, начал с латыни и закончил немецким, французским и голландским, но все это ни к чему не привело.

Спустя два часа разочарованный королевский двор неспешно удалился, и я был оставлен под усиленным караулом; меня охраняли в первую очередь от любопытствующей и возбужденной толпы лилипутов. Кое у кого из них хватило бесстыдства обстрелять меня из

лука, как только я устроился на земле у входа; одна стрела едва не угодила мне в глаз. Рассерженный начальник стражи приказал арестовать стрелков и не придумал ничего лучше, чем, связав, отдать их мне для наказания. Солдаты, толкая несчастных перепуганных преступников в спину древками пик, подогнали их к моим ногам. Я наклонился, сгреб шестерых человечков в руку и положил всех, кроме одного, в карман камзола. Последнего я поднес ко рту, в шутку сделав вид, что хочу им закусить. Бедняга отчаянно завизжал, а стража пришла в сильнейшее беспокойство, увидев в моих руках еще и нож. Я быстро их успокоил – с ласковой улыбкой посмотрев на пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю. Он миготнул деру. Точно так же я поступил и с остальными лилипутами, по очереди вынимая их из кармана. Толпа пришла в восторг; о случившемся тут же доложили королю, и мое милосердие произвело огромное впечатление при дворе.

С наступлением темноты я не без труда вполз в свою конуру и улегся на каменном полу. И пока для меня изготовлялась постель, мне пришлось в течение двух недель коротать ночи подобным образом. Наконец на повозках доставили шестьсот лилипутских матрасов и внесли их в храм; работа началась. Сто пятьдесят штук сшили вместе – так и образовался один огромный матрас, подходящий для меня. Когда были готовы все четыре, их сложили один на другой, и все-таки мое ложе оставалось ненамного мягче каменных плит. Простыни и одеяла изготовили тем же способом, и они оказались вполне сносными для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть обо мне разнеслась по королевству, как отовсюду в столицу начали стекаться любопытные. Близлежащие деревни опустели, полевые работы приостановились, хозяйственные дела пришли в упадок. Все это продолжалось бы еще долго, если бы король своими указами не пресек паломничество. Так, он распорядился, чтобы те, кто уже взглянул на меня, без промедления возвращались домой. Все прочие должны были получать особое платное разрешение в канцелярии, что значительно пополнило королевскую казну.

Между тем сам король все чаще собирал совет, на котором обсуждалась моя судьба. Позднее я узнал от одной знатной особы, посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении и мнения разделились. Одни опасались моего бегства и утверждали, что мое содержание окажется тяжким бременем для страны. Другие намеревались уморить меня голодной смертью или советовали поскорее отправить на тот свет с помощью отравленных стрел. Противники подобного решения возражали, упирая на то, что разложение такого громадного покойника может вызвать чуму, с которой лилипутам не совладать. Именно в разгар этого спора и явились несколько офицеров из приставленной ко мне охраны, чтобы сообщить о моем благодушном нраве и гуманном поступке по отношению к шестерым слабоумным, которые в меня стреляли.

Король Лилипутии при поддержке всего государственного совета немедленно подписал указ, который обязывал жителей деревень, находившихся в радиусе девятиста ярдов от столицы, каждое утро доставлять на королевскую кухню шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола, не забывая о хлебе, вине и чистой воде для питья. Все это оплачивалось из средств его величества. Замечу, что король Лилипутии жил на доходы от своих владений, лишь в редких случаях обращаясь за финансовой помощью к подданным, которые охотно откликались на его просьбы.

Был назначен штат прислуги в шестьсот человек. Для них поставили удобные палатки по обе стороны от входа в мое жилище, платили жалованье и кормили. Далее последовал указ его величества о том, чтобы три сотни портных сшили для меня костюм местного фасона, а полдюжины знаменитых профессоров занялись моим обучением языку лилипутов. И наконец, решено было как можно чаще тренировать лошадей из королевской конюшни и конюшен королевской гвардии прямо на площади перед храмом, где я обитал, чтобы животные больше не пугались моей громадной фигуры.

Все указы его величества были надлежащим образом исполнены.

Спустя три недели я уже начал делать успехи в освоении лилипутского языка. В течение этого времени король часто навещал меня; особенно ему нравилось присутствовать на уроках – он вслушивался в мой голос и одобрительно кивал головой. Вскоре я попробовал беседовать с его величеством, и первыми словами, которые я выучил, была просьба даровать мне свободу. Стоя на коленях, каждую нашу встречу я начинал с этой фразы – в качестве приветствия.

Король, однако, отвечал уклончиво. Насколько я смог понять, вопрос о моем освобождении он считал делом времени – один он не мог принять столь ответственное решение без согласия государственного совета. Прежде всего я должен поклясться хранить мир с самим королем и всеми его подданными. Звучала эта тарабарщина приблизительно так: *«Люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо!»* Тем не менее, продолжал король, ко мне и без того будут относиться благосклонно, а терпением и примерным поведением я сумею заслужить уважение его страны.

В один из своих визитов его величество, немного сконфузившись, заявил, что меня необходимо обыскать, поскольку крупные предметы, имеющиеся при мне, могут представлять опасность. «Мы не хотим вас оскорбить, – добавил он, – но таковы наши правила». Я с улыбкой ответил, что могу сейчас же раздеться и вывернуть все карманы, но король пояснил, что, согласно закону, обыск должны произвести два специальных чиновника и на то необходимо мое согласие. Зная мое благородство и великодушие, он спокойно передает чиновников в мои руки; все, что будет изъято, мне возвратят в тот же миг, как я покину Лилипутию, или же будет куплено по назначенной мною цене. Я кивнул; его величество хлопнул в ладоши, и ко мне приблизились два строгих лилипута.

Наклонившись, я бережно поднял обоих служителей правосудия и отправил их для начала в карманы куртки. Затем, когда они закончили осмотр, переложил в остальные, кроме двух потайных карманчиков на жилете и еще одного. Там были вещи никому, кроме меня, здесь не нужные: серебряные часы, кошелек и прочая мелочь. После обыска суровые джентльмены велели мне спустить их на землю и составили подробную опись всего обнаруженного в моих карманах, которую и представили королю. Со временем я перевел этот документ на английский:

«В правом кармане куртки Человека Горы после самого тщательного осмотра мы обнаружили лишь огромный кусок грубого холста, по размеру равный ковру в парадном зале дворца Вашего Величества. В левом кармане находился тяжелый серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы не смогли даже приподнять. По нашему требованию сундук был открыт; один из нас залез в него, погрузившись в пыль неизвестного происхождения, вызвавшую сильнейшее чихание.

В правом кармане жилета находилась связка тонких листов белой бумаги, покрытых черными знаками. Предполагаем, что это – не что иное, как письмена, каждая буква которых по высоте равняется нашей ладони. Левый жилетный карман содержал особый предмет с двадцатью длинными жердями по краю, очень напоминающий ограду перед дворцом Вашего Величества. По красноречивым жестам Человека Горы мы поняли, что этим предметом он расчесывает свои длинные волосы.

В большом кармане штанов мы обнаружили огромный деревянный футляр, в котором был спрятан загадочный инструмент, содержащий острое лезвие опасного вида. Подобный футляр, где находился предмет из черного дерева величиною с колонну, куда вставлена стальная пластина, мы

нашли в левом кармане. Полагая, что обе эти находки подозрительны, мы обратились к Человеку Горе за разъяснениями. Великан достал предметы из футляров и пояснил нам, что одним в его стране бреют бороду и усы, а другим – режут мясо за обедом.

Два полых железных столба неправильной формы, обнаруженных за поясом Человека Горы, мы также решили причислить к разряду невиданных доселе предметов.

В небольшом правом кармане штанов находилось много гладких дисков из белого, красного и желтого металла различной величины; они так тяжелы, что их едва удастся поднять. И если те из них, что сделаны из желтого металла, действительно золотые, как утверждает Человек Гора, они должны представлять огромную ценность.

Кроме того, мы обнаружили еще и такие карманы, куда не смогли проникнуть. Из одного спускалась серебряная цепь, прикрепленная к тому, что лежало внутри. Мы потребовали показать нам этот предмет. Человек Гора подчинился, вынул диковинную машину и поднес ее к нашим ушам – послышался непрерывный шум и стук, сродни шуму колеса водяной мельницы. Внешне загадочный предмет оказался похож на приплюснутый шар; нижняя часть его сделана из белого металла, а верхняя – из прозрачного твердого вещества, сквозь которое виднеются некие знаки. Мы склоняемся к мысли, что внутри шара находится почитаемое Человеком Горой божество, так как он утверждает, что всегда советуется с обитателем шара, указывающим время на протяжении всей его жизни.

Тщательно осмотрев все карманы, мы перешли к дальнейшему обыску и исследовали кожаный пояс на талии Человека Горы. К поясу с одной стороны прикреплена сабля длиной в пять раз более человеческого роста, а с другой – сумка из двух отделений, в каждом из которых может поместиться трое подданных Вашего Величества. Там находилось множество шаров из чрезвычайно тяжелого металла: каждый шар величиной почти с нашу голову; кроме того, были обнаружены черные зерна, довольно мелкие и легкие. На ладони их помещается до пятидесяти штук.

Такова точная и подробная опись всего, что найдено нами при досмотре Человека Горы. Пока шел обыск, он держал себя вежливо и с должным почтением, каковое подобает оказывать доверенным лицам Вашего Величества.

Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования короля Лилипутии.

Клефрин Фрелок

Марси Фрелок».

Ознакомившись с этим документом, король обратился ко мне с просьбой предъявить некоторые предметы, упомянутые в нем. Сначала его заинтересовала сабля. Меня окружили три тысячи гвардейцев с луками наизготовку, а его величество велел мне обнажить оружие, которое, как я знал, местами заржавело от морской воды. Однако, когда я вынул саблю из ножен и продемонстрировал королю, лезвие ярко сверкнуло на солнце. Гвардейцы попятнулись и испустили дружный вопль, но король и бровью не повел, приказал мне вложить саблю в ножны и бросить на землю в шести футах от моей цепи. Затем он попросил показать то,

что было обозначено как «два полых железных столба неправильной формы». Я достал из-за пояса один из пистолетов (а это и была именно пара моих пистолетов) и, как мог, объяснил его устройство и назначение. Потом я зарядил пистолет холостым зарядом – благодаря плотно закупоренному патронташу порох остался сухим – и, предупредив его величество, выстрелил в воздух. На этот раз сотни его вояк рухнули, словно пораженные громом, а сам король лилипутов, хотя и устоял на ногах, но долго не мог прийти в себя. Я отдал ему пистолеты, патронташ с пулями и порохом, однако попросил держать порох как можно дальше от огня, так как при малейшей искре он может вспыхнуть и королевский дворец взлетит на воздух.

Мне пришлось расстаться и с любимыми часами, которые король рассматривал с нескрываемым любопытством. Он был поражен ходом часового механизма и движением минутной стрелки. Его величество пожелал выслушать мнение своих ученых, однако те так и не смогли дать вразумительных объяснений. Тогда король распорядился, чтобы пара самых дюжих гвардейцев унесла драгоценный предмет. Надев часы на шест и вскинув его на плечи, они тотчас отправились во дворец.

Я показал, доставая из карманов по очереди, серебряные и медные деньги, кошелек с десятью золотыми, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, платок и записную книжку. Моя сабля, пистолеты и патронташ были отправлены на повозках в арсенал его величества. Остальное было возвращено мне.

Потайной карманчик я никому не показал – там у меня лежали очки, я пользовался ими при чтении. Подзорную трубу и кое-что еще я также скрыл. Для короля это не имело особого значения; кроме того, я опасался, что нужные мне вещицы затеряются или их испортят слишком любознательные лилипуты.

Глава 3

Моя кротость и примерное поведение вызвали такую симпатию у короля, двора, всего народа и даже армии, что во мне затеплилась надежда на скорое освобождение из почетного плена. Я грезил свободой и старался заслужить еще большее доверие к себе. Меня уже не боялись; я довольно сносно понимал лилипутский язык и говорил на нем. Иногда, лежа на земле, я позволял веселым человечкам плясать на моей руке, а дети часто играли в прятки в моих волосах.

Однажды королю захотелось развлечь меня красочными ярмарочными празднествами. На мой взгляд, акробаты в этой стране своей ловкостью и мастерством превосходят всех остальных циркачей в мире, но больше всего меня заинтересовали канатоходцы. Вообразите себе тонкую белую нить в два фута длиной, натянутую на высоте двенадцати дюймов от земли, и пляшущих на ней человечков. В таких представлениях участвуют только те лилипуты, которые являются кандидатами на государственные должности или ищут благосклонности королевского двора. Они обучаются этому искусству с юных лет и упорно совершенствуются, отказывая себе в личной жизни. И когда открывается вакансия на высокую должность, несколько соискателей подают на имя короля прошение – позволить им дать представление в присутствии его величества и всего двора. Кандидаты танцуют на канате, и тот, кто прыгнет выше остальных и при этом не упадет на землю, занимает желаемую должность. Иногда первые министры вынуждены подтверждать свое искусство, чтобы убедить короля в том, что они не утратили своего таланта. Так, Флимнап, государственный казначей, был известен своей прыгучестью: он совершил пируэт на канате, повторить который не удалось ни одному другому сановнику во всем королевстве. Я наблюдал его опасные прыжки, когда он тренировался. Рельдресель, государственный секретарь и глава министерства иностранных дел, мой приятель, – если, конечно, наши с ним отношения можно назвать приятельскими, – занимал второе место после государственного казначея. Остальные сановники также находились на высоком уровне в искусстве хождения над пропастью.

Такие представления нередко сопровождаются роковыми происшествиями и несчастьями. Я сам видел нескольких изувеченных кандидатов-неудачников. Но особая опасность подстерегает министров и государственных чиновников, демонстрирующих свою ловкость королю. Так, еще до моего прибытия сэр Флимнап едва не сломал себе шею, но его спасла случайно лежавшая под канатом одна из королевских подушечек.

Ежедневно в моем присутствии конюхи гвардейских и королевских конюшен объезжали на площади лошадей. Вскоре кони без страха уже подходили так близко ко мне, что однажды, когда я опустил руку на землю, некоторые всадники умудрились въехать на нее. Однако больше всех отличился королевский егерь, который с легкостью перепрыгнул на своей лошади через мою обутую в башмак ногу – будто брал барьер. Это был поистине поразительный прыжок.

Как-то мне пришло в голову необычное развлечение для короля. Я попросил доставить дюжину палок длиной в два фута и толщиной в обычную трость, и через день моя просьба была выполнена королевским лесничим. Я взял большую часть палок и крепко вбил их в землю в виде четырехугольника, а сверху туго натянул свой носовой платок. Из оставшегося материала я сделал нечто вроде барьера. Закончив работу, я предложил королю выделить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на этом плацу. Затем, поднимая поочередно каждого всадника в полном вооружении вместе с лошастью, я поставил их на платок. Построившись, кавалеристы разделились на два отряда, и военные действия начались. Король пришел в такой восторг, что еще не раз просил меня повторить эти маневры, и однажды сам пожелал подняться на плац, чтобы командовать войсками. Королеве эти забавы

были не по душе, однако и она изредка наблюдала блестящее представление, сидя в носилках на расстоянии двух ярдов от площадки. К счастью, маневры окончились благополучно; лишь одна горячая лошадь пробила дыру в платке и, оступившись, упала, подмяв седока. Я тут же пришел ему на помощь. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал.

Незадолго до моего освобождения, в то время как я, скучая, развлекал себя и королевский двор всякими фокусами, к его величеству прибыл гонец с известием, что около того места на берегу, где я был пленен, найден неподвижно лежащий громадный черный предмет странной формы. Предмет имеет круглое основание, по площади равен покоям его величества, крыша предмета плоская, а внутри – пустота. Я тотчас догадался, что речь идет о моей потерянной шляпе, и упросил короля доставить ее в столицу. Он любезно дал согласие, однако, когда шляпа попала ко мне в руки, ее состояние оказалось крайне плачевным. Лилипуты волокли ее от самого берега до города при помощи крючьев и веревок и проделали в полях многочисленные дыры.

Спустя пару дней после этих событий его величеству пришла в голову еще одна странная забава. Был отдан приказ о приведении в полную готовность конных и пехотных полков, стоявших в столице и ее окрестностях. Король попросил меня замереть на площади, широко расставив ноги. Затем войска сомкнули ряды и торжественным маршем прошли подо мной – пехота по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерия по шестнадцать, – с барабанным боем, развернутыми знаменами и пиками наперевес. Было приказано, чтобы во время парада, под страхом самого сурового наказания, войска сохраняли почтение по отношению ко мне. Однако сам я с ужасом думал о плачевном состоянии своих старых панталон, – и действительно, проходя между моими ногами, некоторые офицеры украдкой поднимали вверх глаза и отпускали непристойные шуточки...

Я подал в королевскую канцелярию столько прошений и докладных о моем освобождении, что в конце концов король вынес этот вопрос на обсуждение кабинета министров, а затем и государственного совета. Никто не выразил протеста, кроме Скайреша Болголама, который без всякой причины воспыал ко мне ненавистью. Но, несмотря на все его усилия, дело было решено и утверждено королем в мою пользу. Болголам занимал пост *гальбета*, – другими словами, адмирала королевского флота, пользовался доверием его величества и был человеком хоть и сведущим в своем деле, но грубым и со странностями. Нехотя согласившись на мое освобождение, он добился, чтобы ему было поручено предъявить условия, на которых я наконец-то обрету свободу. Бумагу адмирал доставил мне лично в сопровождении двух секретарей и нескольких знатных особ. Когда указ короля был оглашен, с меня взяли присягу, что я не нарушу ни единого пункта. Вначале я присягнул по обычаям своей страны, а затем должен был повторить клятву по лилипутским правилам.

Выглядело это так. Я должен был держать правую ногу в левой руке, положи в то же время средний палец правой руки на темя головы, а большой – на правое ухо. Получилось это у меня с третьей попытки. Исторический документ мне оставили на память, и я его перевел:

«Его Высочайшее Величество Гольбасто Мамарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гу, могущественный король Лилипутии, отрада и ужас Вселенной, чьи владения, занимая пять тысяч блестрегов (около двенадцати миль в окружности), распространяются до крайних пределов земного шара; король королей, величайший из сынов человеческих, властитель, что своей стопой попирает центр земли, а головой касается солнца; король, чей взгляд вызывает дрожь в коленях земных царей, – предлагает недавно прибывшему в наши небесные владения Куинбусу

Флестрину, или Человеку Горе, следующие условия, которые тот обязуется неуклонно выполнять.

1. Человек Гора не имеет права оставить Лилипутию без нашей разрешительной грамоты с приложением большой государственной печати.

2. Также он не имеет права входить в столицу без нашего особого распоряжения. В этом случае жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы иметь время и возможность укрыться в своих домах.

3. Человек Гора обязан ограничивать свои прогулки только большими дорогами и не должен гулять или ложиться отдыхать на лугах и хлебных полях.

4. Во время прогулок Человеку Горе необходимо заботиться о том, чтобы не наступить на кого-нибудь из наших любезных подданных, на их лошадей и повозки; он не должен брать в руки никого из обывателей без их на то согласия.

5. Если потребуется быстрое отправление куда-либо курьера, то Человек Гора берет на себя обязанность раз в луну относить в своем кармане курьера вместе с лошадью на расстояние шести дней пути, а в случае надобности доставлять его целым и невредимым обратно к Нашему Величеству.

6. Человек Гора обязан стать нашим союзником в борьбе против враждебного острова Блефуску и приложить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время готовится к войне с нашим королевством.

7. Человек Гора в часы досуга должен принимать участие в общественных работах, поднимая громадные камни при сооружении стены, окружающей главный парк столицы, а также при постройке других королевских зданий.

8. В течение двух лун Человеку Горе предлагается составить точное описание границ нашего королевства, для чего ему разрешается обойти все побережье и измерить протяженность границы, сосчитав число пройденных шагов.

9. Человек Гора торжественно присягает в точности исполнять вышеперечисленные условия его освобождения из-под стражи. Мы же в свою очередь назначаем ему ежедневное содержание, равное содержанию 1728 наших подданных. Кроме того, он будет пользоваться свободным доступом к нашей августейшей особе и нашим благоволением.

Подписано в Бельфабораке, королевском дворце, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего царствования».

Я с большим удовольствием дал присягу и расписался под этим примечательным документом, хотя некоторые из его пунктов меня озадачили. Совершенно очевидно, что к его составлению приложил руку адмирал Болголам, затаивший на меня злобу.

Мои цепи тут же были сняты, и я оказался на свободе. Король лично присутствовал при этой церемонии. В знак благодарности я распластался у ног его величества, но он велел мне подняться, произнес несколько милостивых слов и выразил надежду, что я стану его верным слугой и буду достоин тех милостей, которые он уже оказал мне и надеется оказать в будущем.

Глава 4

Обретя свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу Лилипутии. Король охотно согласился, но велел строго соблюдать осторожность по отношению к горожанам и их жилищам. Столичное население тут же оповестили.

Вся столица была огорожена стеною высотой в два с половиною фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов. Лилипуты могли совершенно свободно проехать по ней в карете, запряженной парой лошадей. По углам стены на расстоянии десяти футов одна от другой высились крепкие башни. Перешагнув через главные Западные ворота, я снял сюртук, чтобы не задеть полами крыши и карнизы домов, и осторожно прошел по двум центральным улицам. Несмотря на строгий приказ укрыться в домах и не покидать их до конца моей прогулки, беспечные жители столицы сновали у меня под ногами. Я с большой осторожностью продвигался вперед, стараясь никого не раздавить. В открытых окнах верхних этажей, на балкончиках и крышах замерли любопытные; у меня сложилось впечатление, что город слишком плотно населен.

Столица Лилипутии на плане походила на правильный четырехугольник, каждая сторона которого равна пятистам футам; две главные улицы шириною в пять футов каждая пересекались под прямым углом и разделяли город на четыре части. Небольшие боковые улочки и переулки, в которые я не мог пробраться, по ширине составляли от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город мог вместить до пятисот тысяч человек; дома в основном были трех- и пятиэтажные, а лавки и рынки полны всевозможных товаров.

Королевский дворец находился в центре столицы и был расположен на перекрестке главных улиц. Его окружала стена в два фута высотой, отстоявшая от тыльной части дворца и служебных построек на двадцать футов, а со стороны площади, куда выходил фасад, – на восемь футов. Я получил разрешение его величества перешагнуть через стену и благодаря свободному пространству позади зданий мог осмотреть их со всех сторон.

Королевские покои находились в глубине обширного квадратного внутреннего двора, и чтобы попасть туда, – а мне очень хотелось их осмотреть, – нужно было пройти через главные ворота вышиною всего лишь в восемнадцать дюймов и семь дюймов в ширину. Я мог бы их перешагнуть, но боялся разрушить каменные постройки, хоть и прочные, однако стоящие слишком тесно. Король очень хотел показать мне свой великолепный дворец, но лишь спустя три дня мне удалось выполнить его желание.

В королевском загородном парке я срезал ножом несколько самых крупных деревьев и смастерил из них два табурета высотой около трех футов, которые могли бы выдержать мой вес. Подойдя к резиденции короля со стороны площади, я встал на один табурет, поднял другой над крышами построек и осторожно поставил на свободное место. Затем перешагнул через здания с одной табуретки на другую. Теперь, присев на корточки, я мог внимательно рассмотреть внутреннее убранство дворца, а также всех его обитателей.

Мне удалось увидеть всю королевскую семью и даже поцеловать ручку королевы, грациозно и милостиво протянутую мне из окна.

Полюбовавшись красотами дворца, я с помощью тех же табуретов благополучно выбрался на площадь и вернулся к себе.

Однажды утром, примерно через пару недель после моего освобождения, ко мне явился Рельдресель в сопровождении слуги. Велев кучеру ждать, государственный секретарь попросил выслушать его и предпочел во время нашего разговора оставаться на моей ладони. Я охотно согласился из уважения к его личным достоинствам и в благодарность за хлопоты о моей судьбе перед королем. Мне было хорошо известно, что ни одно важное дело в королевстве не проходило без его ведома.

Прежде всего Рельдресель поздравил меня с освобождением, добавив, что своей свободой я обязан особому стечению обстоятельств в государственных делах.

«Каким бы блестящим ни казалось чужеземцу наше положение, – продолжал мой гость, – мы страдаем от двух страшных зол: от внутренних раздоров и от угрозы нападения коварного и сильного противника. Первое связано с тем, что около семидесяти лун тому назад в королевстве возникли две враждующие партии. Партия *тремексенов* объединила сторонников высоких каблуков, *слемексены* же объявили себя приверженцами низких. Возможно, вы, друг мой, заметили, – спросил государственный секретарь с легкой усмешкой, – что подданные его величества обуты в башмаки, имеющие каблуки разной высоты?»

Я кивнул.

«Тремексены утверждают, – продолжал он, – что обязательное ношение высоких каблуков было навечно закреплено нашей первой Конституцией. Однако нынешний король – сторонник низких каблуков, и он постановил особым указом, чтобы все служащие правительственных и придворных учреждений носили исключительно низкие каблуки. И это вы тоже заметили, как и то, что у его величества каблуки на башмаках на один *дрерр*, или четырнадцатую часть дюйма, ниже, чем у придворных. Вражда между обеими партиями доходит до того, что члены одной не могут находиться за общим обеденным столом с членами другой. Тремексены многочисленны, однако не имеют в руках власти. В то же время у нас появилось подозрение, что наследник престола симпатизирует этой партии, – нетрудно заметить, что один его каблук выше другого, вследствие чего его высочество прихрамывает... И вот на фоне этих внутренних раздоров близится беда извне – со стороны соседнего острова Блефуску...»

Рельдресель сделал паузу и внимательно посмотрел на меня.

«Вот вы утверждаете, – вздохнул он, – что на свете существуют другие королевства и государства, где живут такие же великаны, как вы. Однако наши ученые сомневаются в этом и склонны придерживаться гипотезы, что вы, мой уважаемый друг, скорее всего, свалились с неба. Кроме того, имеются летописи и исторические документы, в которых за период в шесть тысяч лун не упоминается ни одно государство, кроме великого королевства Лилипутии и империи Блефуску... Мы соседствуем с этим островным государством, однако в течение уже тридцати шести лун нам приходится вести с ним ожесточенную войну. Поводом для нее послужило следующее событие. Всем известно, что с незапамятных времен яйца всмятку полагается разбивать с тупого конца. Случилось так, что дедушка его величества, еще будучи ребенком, за завтраком порезался острым осколком скорлупы, разбив яйцо, которое ему подали. Его батюшка, прадед нашего короля, издал указ, предписывающий всем лилипутам разбивать яйца исключительно с острого конца... И что бы вы думали? Этот указ вызвал такое возмущение среди населения, что началась смута, которая переросла в настоящую революцию. Летописи упоминают о шести восстаниях, во время которых пострадали даже королевские особы. Около одиннадцати тысяч фанатиков были приговорены к смертной казни за отказ разбивать яйцо с острого конца.

Правители Блефуску упорно поддерживали и поощряли народные волнения, укрывая бунтовщиков в своих владениях. Там печатались прокламации и даже брошюры. В Лилипутии движение тупоконечников было давным-давно запрещено, его сторонники лишились права занимать государственные должности, а их книги преданы огню... Все еще больше осложнилось, когда с острова Блефуску в нашу сторону прозвучали обвинения в ереси и расколе. Мы, по утверждению их теологов, исказили основной догмат нашего великого общего пророка *Люстрога*. В пятьдесят четвертой главе духовной «*Книги Алкорана*» сказано: «*Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее*». А какой конец – тупой или острый – считать удобным? Как по мне, так это личное дело каждого верующего. В общем, началась полемика, сопровождаемая теперь уже религиозными волнениями,

были написаны и отпечатаны сотни томов, посвященных этому вопросу, однако все оказалось без толку и отношения между нашими странами окончательно испортились. А изгнанники-тупоконечники нашли убежище в империи Блефуску и приобрели огромное влияние на тамошних правителей.

И вот эта ужасная война тянется уже тридцать шесть лун, и ни одна из враждующих сторон не добилась решающей победы. За это время мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов, пятьдесят тысяч моряков и солдат погибли. Думаю, что потери противника не меньше, если не больше. Однако, по донесениям тайных агентов, неприятель снаряжает новый флот, чтобы высадить десант на побережье нашего королевства. Его величество, король Лилипутии, полагаясь на вашу силу и храбрость, повелел мне обрисовать вам истинное положение дел...»

Я поблагодарил госсекретаря за оказанное доверие и просил передать его величеству мое глубочайшее почтение.

«Доведите до сведения короля, – сказал я своему гостю, – что хотя мне как иностранному подданному не следовало бы вмешиваться во внутренние дела чужого государства, однако я в долгу у его величества за спасение и дарованную мне свободу. Я готов не щадя жизни защищать его особу и всех лилипутов от любого врага, грозящего вторжением в пределы королевства!»

Глава 5

Королевство Лилипутия занимает часть побережья континента, а империя Блефуску – остров, расположенный на северо-востоке от него; пролив шириной в восемьсот ярдов разделяет обе державы. Я еще ни разу не бывал в той части берега, откуда виден остров, а узнав о предполагаемом вторжении, и в дальнейшем старался не появляться там, опасаясь, что меня заметят с кораблей противника. Вряд ли в Блефуску могли знать о моем пребывании в Лилипутии – ведь во время войны всякие отношения между соседями были запрещены под страхом смертной казни, вдобавок король наложил запрет на выход судов из портов своей страны.

Наконец разведка донесла, что флот противника стоит наготове в одной из гаваней в проливе в ожидании попутного ветра. При встрече я изложил его величеству план захвата всех неприятельских кораблей и получил согласие на выполнение задуманного.

Прежде всего я расспросил у опытных моряков о глубине пролива и узнал, что даже во время прилива глубина его в средней части равна семидесяти *глюмглеффам*, – то есть примерно шести европейским футам. Во всех остальных местах она не превышает пятидесяти глюмглеффов. Отправившись на северо-восточное побережье, я укрылся за песчаным пригорком и, глядя в свою подзорную трубу, насчитал до пятидесяти военных кораблей блефускуанцев.

Дома я сразу же занялся подготовкой к операции. Сначала я распорядился доставить мне полторы сотни самых прочных и длинных канатов и большое количество железных брусьев. Задание было исполнено быстро. Канаты оказались толщиной не больше обычной бечевы, а брусья – с вязальную спицу. Чтобы изготовить то, что мне требовалось, я свил канаты по три, а железные брусья скрутил и согнул в виде крючков. Каждый из этих пятидесяти крючков я прикрепил к концам тросов.

Затем я снова отправился к тому месту, откуда наблюдал за флотом противника.

Сняв с себя платье, башмаки и чулки, в одной кожаной куртке я вошел в воду за полчаса до начала прилива. Сперва я шел вброд, а затем немного проплыл, пока вновь не почувствовал под ногами дно. Мне пришлось поторопиться, и уже через двадцать минут я оказался в гавани, где стоял неприятельский флот. Мое неожиданное появление вызвало панику среди блефускуанцев; заметив меня, они пришли в такой ужас, что начали бросаться с кораблей в море. Тогда я вынул приготовленные веревки и связал их в узел, зацепив крючки за нос каждого корабля. Пока я этим занимался, в мое лицо и руки вонзились тысячи стрел. Тут-то мне и пригодились очки, которые я утаил при обыске. Стрелы причиняли боль и мешали работать, но глаза были защищены. Теперь оставалось подрезать якорные канаты, удерживавшие корабли, – и наконец, взявшись за узел, соединявший все тросы, я без помех потащил за собой полсотни вражеских военных кораблей.

Неприятель был в полной растерянности. Блефускуанцы думали, что я намерен просто уничтожить весь флот или пустить корабли по течению, – но увидев, что я перерезаю якорные канаты, они пришли в отчаяние. Не обращая внимания на крики и горестные вопли, я выбрался из-под обстрела, волоча корабли за собой. И лишь оказавшись в полной безопасности, я остановился, чтобы извлечь из лица и рук проклятые колючки, снять очки и часок передохнуть, пока вода немного спадет. Затем, невредимый, я благополучно прибыл со своими трофеями в главный порт Лилипутии.

Его величество и весь двор находились в ожидании на берегу; на середине пролива вода доходила мне до шеи, и с берега был виден только полумесяц приближающихся кораблей. Король решил было, что я утонул, а неприятельский флот приближается с самыми серьезными намерениями, но вскоре его величество понял: тревога напрасна. Я вышел из воды,

потрясая канатами, к которым были привязаны корабли, и громко воскликнул: «Да здравствует король Лилипутии!» Как только я приблизился к его величеству, я удостоился высочайшей похвалы и титула *нардака* – самого почетного в королевстве.

Увы! Честолюбие сильных мира сего не имеет границ. Король тут же пожелал, чтобы я нашел способ полностью обезоружить противника. Ему не терпелось обратить империю Блефуску в провинцию Лилипутии, истребить под корень всех тупоконечников и принудить блефускуанцев разбивать яйца с острого конца. То есть окончательно стать владыкой вселенной. Однако я всячески избегал разговоров на эту тему, а когда его величество все же потребовал от меня ответа, прямо и решительно заявил, что никогда не стану орудием завоевателя.

Этого король Лилипутии мне не простил.

То, что я впал в немилость, поняли и члены государственного совета. Кое-кто из них был на моей стороне, однако они оказались в меньшинстве; тайных недоброжелателей у меня стало намного больше. Такова благодарность владык, и не прошло двух месяцев, как его величество и преданные ему министры развязали против меня настоящую войну.

Но возвратимся к мирным временам. Спустя пару недель после моего подвига из Блефуску прибыло посольство императора. Торжественный кортеж, состоявший из шести парламентаров и свиты в пятьсот персон, вполне соответствовал важности события. Я принимал участие в переговорах и, благодаря своему действительному или кажущемуся влиянию при дворе, оказал немало услуг посольству. По окончании официальной части визита блефускуанцы посетили меня. Не переставая восхищаться моей смекалкой и храбростью, послы передали мне приглашение императора Блефуску посетить его остров. Затем гости попросили показать несколько примеров моей удивительной силы, о которой ходят легенды. Я охотно доставил послам это удовольствие, проделав несколько незатейливых фокусов. Они пришли в великое изумление, и мы расстались, довольные друг другом. Напоследок я пообещал непременно посетить их остров.

При первой же встрече с королем Лилипутии я попросил у него позволения побывать в империи Блефуску. Его величество дал согласие, но при этом держался весьма холодно. Мне и в голову не приходило, что меня уже успели оклеветать Флимнап и Болголам, донеся королю, что я пренебрежительно отзывался о нем в частной беседе с блефускуанцами. Однако моя совесть была чиста, поэтому я простодушно поблагодарил короля за милость, хотя и стал все чаще задумываться о нравах, царящих на вершинах власти.

Следует заметить, что послы Блефуску беседовали со мной через переводчика, тогда как официальные переговоры велись на лилипутском языке – этого потребовал король, пользуясь правом победителя. Язык блефускуанцев отличается от лилипутского не больше, чем два родственных европейских языка, и благодаря географической близости обоих государств и тесным торговым связям в прошлом языковых преград между соседями не существует. Обычай посылать молодых людей посмотреть мир, познакомиться с историей и жизнью другого народа привел к тому, что редко можно было встретить образованного человека, моряка или купца из приморского города, который не владел бы обоими наречиями. В этом я убедился, когда отправился на остров Блефуску засвидетельствовать почтение императору.

Этот визит впоследствии сослужил мне неоценимую службу – в ту пору, когда злобные мои недоброжелатели возвели против меня ложные обвинения. К тому же теперь я носил самый почетный титул в Лилипутии, что давало мне право не соблюдать некоторые особенно унизительные пункты договора, подарившего мне свободу. Договор мне не нравился, а король после победы над блефускуанцами о нем и не вспоминал.

Это-то и приводило моих недоброжелателей в ярость.

Глава 6

У меня нет желания повторять здесь клевету, которая, как тень, ползла за мной по пятам. В конце концов враги и завистники настроили против меня короля и даже королеву.

Гораздо приятнее просто рассказать читателю о Лилипутии, тем более что я надеюсь когда-нибудь посвятить этому удивительному королевству отдельное исследование.

Средний рост мужчины-лилипута слегка превышает шесть дюймов. Этой величине здесь пропорционально соответствуют и животные, и растения. Так, лошади и быки не вырастают выше четырех или шести дюймов, а овцы – выше полутора дюймов; гуси чуть поменьше нашего воробья. Мелкие же звери, птицы и насекомые были для меня почти невидимы. Однако природа приспособила зрение лилипутов ко всем окружающим их предметам – они видят очень хорошо, но на коротком расстоянии. Никогда не забуду, с каким удовольствием я однажды наблюдал за поваром, который ощипывал жаворонка размером много меньше обыкновенной мухи, и за девушкой, вдевавшей невидимую мною шелковую нить в ушко иголки, которой как бы и вовсе не было.

В Лилипутии самые большие и старые деревья достигают высоты не более семи футов; они произрастают в королевском парке. Меня часто мучил вопрос: для чего крошечным людям такие гиганты, ведь даже я доставал верхушки некоторых из них, только приподнявшись на цыпочки. Вся остальная растительность имела размеры, пропорциональные величине среднего лилипута.

Прежде чем поведать о науке и технических достижениях, проникших во все отрасли хозяйства в этом королевстве, отмечу весьма оригинальную манеру письма лилипутов. Они пишут не так, как европейцы – слева направо, не так, как арабы – справа налево или как китайцы – сверху вниз. Их способ письма сходен с тем, каким нередко пользуются английские дамы: наискось страницы, от одного угла к другому.

Лилипуты хоронят умерших вниз головой; они верят, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут, а так как к этому времени Земля, которую лилипуты считают плоской, перевернется вверх дном, покойники снова утвердятся на ногах. Тамошние ученые признают нелепость этой доктрины, но среди простого народа такой обычай сохраняется до сих пор.

В королевстве лилипутов действуют весьма своеобразные законы и порядки, и не будь они противоположны тому, что происходит в моем любезном отечестве, я стал бы их ярым сторонником. Желательно только, чтобы они строго исполнялись. Прежде всего коснусь уголовных законов.

Все государственные преступления в Лилипутии караются чрезвычайно строго. Однако если во время судебного процесса обвиняемый докажет свою невиновность, то обвинитель тут же приговаривается к позорной казни, а из его имущества взыскиваются в пользу невиновного штрафы в четырехкратном размере: во-первых, за потерю рабочего времени, во-вторых – за опасность, которой он подвергался, в-третьих – за лишения, которые довелось испытать обвиняемому в тюрьме, и наконец, в-четвертых – за все расходы, которых стоила ему защита. Если имущества обвинителя окажется недостаточно, остальное доплачивает казна. Кроме того, король публично жалуется оправданного знаком своей милости и по всему королевству объявляют о его невиновности.

Лилипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство, и потому лишь в исключительных случаях оно не карается смертью. Они рассуждают так: при некоторой осторожности, бдительности и наличии здравого смысла имущество всегда можно уберечь от вора, но от ловкого мошенника нет спасения. Между тем вся торговля лилипутов основана на полном доверии. Поэтому закон строго преследует обман в торго-

вых сделках. Мне однажды довелось ходатайствовать перед королем за преступника, который обвинялся в воровстве. Этот человек, получив по поручению хозяина крупную сумму, присвоил ее и скрылся. Я указал его величеству на то, что это было не воровство, а лишь злоупотребление доверием, – именно так утверждали бы адвокаты в моей стране. Король нашел мой аргумент чудовищным. По его мнению, он лишь отягощает вину преступника, – к обману добавляется нарушение взаимного доверия. Признаюсь, мне нечего было возразить, и, сконфузившись, я лишь пробормотал, что законы у различных народов не могут быть одинаковы.

Хоть мы и называем кнут и пряник рычагами, с помощью которых движется государственная машина, только в Лилипутии я видел, как строго и последовательно это правило проводится в жизнь. Всякий, кто сумеет доказать, что в течение семидесяти трех лун он ни разу не нарушил законов, получает право на привилегии, соответствующие его положению в обществе, а также на солидное денежное вознаграждение, выдаваемое из специальных фондов. Такой подданный получает титул *снильпела*, то есть блюстителя законов; этот титул прибавляется к его фамилии, но не передается по наследству. Когда я поведал лилипутам, что в Англии соблюдение законов обеспечивается лишь страхом наказания без малейшего намека на награду, они увидели в этом огромный недостаток нашего законодательства. Поэтому в здешних судебных учреждениях статуи, изображающие богиню правосудия, имеют шесть глаз: два глаза смотрят на вас, два находятся на затылке и два по бокам головы, – это означает бдительность. В правой руке богиня держит открытый мешок с золотом, а в левой – меч в ножнах, в знак того, что она готова скорее награждать, чем наказывать.

При выборе кандидатов на правительственные должности прежде всего учитываются нравственные качества претендентов. Человек, считают лилипуты, обладающий средним умственным развитием, способен работать на благо королевства и без особых дарований. Управление общественными делами не содержит в себе ни тайн, ни сложностей, которые под силу только гениям, одаренным от природы. Гении же рождаются раз в три столетия. «Нет ничего хуже, – говорят лилипуты, – как поручать государственные дела таким людям. Ошибка должностного лица, совершенная по простодушию или неведению, но из добрых побуждений, может быть исправлена. А вот деятельность чиновника с дурными наклонностями, ловко умеющего скрывать свои пороки и избегать наказания, представляет огромную опасность для общественного блага».

К сожалению, за последнее время в Лилипутии многое изменилось. Как и в других государствах, в этом маленьком королевстве повсюду царит испорченность нравов – главный признак вырождения нации. За примером далеко ходить не нужно. Позорное правило, введенное нынешним королем, назначать на высшие государственные должности самых ловких плясунов на канате или награждать тех, кто лучше прыгает через препятствия или быстрее всех проползает под ними, говорит само за себя. Как следствие – интриги, политические скандалы и борьба кланов и партий.

Неблагодарность считается у лилипутов уголовным преступлением; об этом они рассуждают так: «Если человек способен на добро отвечать злом, то во всех остальных людях, ничем ему не обязанных, он неизбежно ищет врагов, – и за одно это достоин смерти».

Лилипутские взгляды на семью и отношения между родителями и детьми разительно отличаются от тех, что приняты во всем цивилизованном мире. Лилипуты уверены, что дети являются лишь естественным продолжением рода и не должны нести никаких обязательств по отношению к родителям. Жизнь трудна, говорят они, а рождение ребенка – всего лишь результат любовного чувства между мужчиной и женщиной; потомство проходит тот же путь, что и его родители. Привязанность к детям проистекает также из природного начала, и поэтому не следует доверять воспитание ребенка отцу или матери. Оно должно быть возложено на государство и общество. Поэтому в Лилипутии во всех городах существуют особые

воспитательные заведения, куда ребенок отправляется по достижении им возраста двадцать лун.

Эти школы делятся на мужские и женские, а воспитание и обучение в них ведется по-разному – в зависимости от состава учащихся. Существуют школы для отпрысков богатых и знатных родителей, для детей ремесленников и бедных горожан, – и во всех этих учебных заведениях опытные педагоги готовят учеников к будущей жизни и деятельности в зависимости от их способностей, наклонностей и соответственно общественному положению их родителей.

Школы для мальчиков благородного происхождения находятся под присмотром солидных профессоров. Учителя в них весьма образованны, отношения демократичны. Одежда и пища учеников отличаются простотой и скромностью; до четырех лет за детьми ухаживает прислуга, но в дальнейшем они обслуживают себя самостоятельно, какое бы знатное имя ни носили. Ученики воспитываются в уважении к чести, справедливости, храбрости и скромности; им прививают религиозное чувство и любовь к отечеству. Дети постоянно заняты: все время, за исключением завтрака, обеда и ужина, сна и двухчасовых физических упражнений, посвящено учению; двадцать четыре часа в сутки воспитанники находятся под присмотром, поэтому они ограждены от дурного влияния улицы и толпы, которому подвержены европейские дети. Родители имеют право посещать школу всего два раза в год. Каждое свидание продолжается не более часа. Приласкать ребенка можно только при встрече и прощании; присутствующий во время свиданий воспитатель следит за тем, чтобы отцы и матери не шептались со своими чадами, не целовали их, не тискали, не дарили им игрушек и лакомств.

Школы для детей небогатых дворян, купцов и ремесленников устроены по тому же образцу. Отличаются они лишь тем, что дети дворян и купцов продолжают общее образование до пятнадцати лет, остальные же ученики с одиннадцати лет изучают ремесла, чтобы освоить профессию родителей. Надо заметить, что школьный режим для старших воспитанников заметно суровее и жестче.

В женских учебных заведениях девочки знатного сословия воспитываются так же, как и мальчики. До пяти лет за ними присматривают, одевают и раздевают горничные, но при этом обязательно присутствует воспитательница. Прислуге строго запрещено рассказывать девочкам глупые сказки, страшные истории и уличные сплетни, как это подчас происходит у нас. Если подобное будет замечено, виновная в нарушении запрета трижды подвергается публичной порке кнутом, на год садится в тюрьму, а затем навечно ссылается в необитаемую часть королевства. С пятилетнего возраста девочка приучается к самостоятельности.

Благодаря такой системе воспитания молодые дамы в Лилипутии стыдятся жеманства и считают трусость позором. Подобно мужчинам, они с презрением относятся к украшениям; они опрятны и ведут себя с достоинством. Я не заметил никакой существенной разницы в образовании мальчиков и девочек. Лишь физические нагрузки поменьше да курс наук для девочек составлен не так обширно и глубоко, зато много времени посвящается изучению домоводства. Даже принадлежа к высшему обществу, считают лилипуты, женщина должна вести домашние дела, но главное – быть отзывчивой, чуткой и разумной подругой своему мужу. Ведь молодость и красота не вечны. Когда выпускнице школы исполняется пятнадцать лет, родители или опекуны забирают ее домой, чтобы подготовить к замужеству; при этом прощание с подругами редко обходится без горьких девичьих слез.

В заведениях для девочек из низших слоев общества, помимо начального образования, происходит обучение всякого рода работам. Девочки, способные к ремеслу, остаются в школе до семи лет, а затем обучаются у мастеров; остальные заканчивают обучение в одиннадцать лет.

Родителей всех без исключения детей закон обязывает вносить часть ежемесячных доходов на счет каждого ученика; эти деньги хранятся в школе до окончания обучения. И это не считая небольшой ежегодной платы за пансион и услуги учителей. Счета девочек становятся основой приданого выпускницы, а знатные особы взносами на имя своих сыновей закладывают фундамент их будущего состояния. Таким образом лилипуты лишь частично передают государству заботу о своих детях. Если родители своевременно не вносят оплату за содержание и воспитание своих отпрысков, эти деньги принудительно взыскиваются с них правительственными чиновниками.

Крестьяне воспитывают детей дома. Так как вся жизнь этой части населения страны связана с землей и приусадебным хозяйством, то и ее образование не имеет особого значения для общества. Больные и старики содержатся государством в богоугодных заведениях; такие понятия, как нищенство и попрошайничество, в королевстве просто неизвестны.

В Лилипутии я провел девять месяцев и тринадцать дней. Как же я жил и что делал на протяжении всего этого времени?

Мне всегда нравилось заниматься физическим трудом. Здесь мои навыки в столярном деле сослужили мне добрую службу – я смастерил себе из самых крепких деревьев королевского парка довольно-таки удобные стол и стул.

Много часов ушло на то, чтобы обеспечить меня новой одеждой и постельным бельем. Потребовалось двести белошвеек, чтобы сшить мне рубахи из самого прочного и грубого полотна, какое только нашлось в Лилипутии. Однако, даже сложенное втрое, оно оказалось не толще нашей кисеи. Поэтому работницам пришлось вдобавок простегивать тройную ткань нитками.

Обычный кусок здешнего полотна имеет три фута длины и по ширине равен трем дюймам. Чтобы белошвейки могли снять с меня мерку, я растянулся на мостовой возле своего убежища. Одна из них стояла у моего горла и держала конец тонкого, крепкого шнурка, а другая приложила, натянув, второй конец к моему колену; третья девушка измеряла длину шнура в дюймах. Затем мне измерили большой палец правой руки, и этого для них оказалось достаточно. Зная, что окружность кисти вдвое больше окружности пальца и вдвое меньше окружности шеи, белошвейки смастерили мне белье как раз по росту. Образцом им послужила моя старая рубаха.

С камзолом было посложнее – его шили триста портных. Чтобы с меня сняли мерку, мне пришлось стать на колени, к моей спине приставили лестницу, и один из лилипутов взобрался по ней до моей шеи, опустив веревку до земли. Рукава и талию я измерил сам. Портные работали в моем жилище, так как во всем городе не нашлось такого помещения, чтобы камзол поместился в нем целиком. В конце концов он вышел похожим на лоскутные одеяла, которое англичанки шьют из пестрых клочков материи – с той разницей, что мой камзол был одноцветным.

Стряпало для меня множество поваров. Вместе со своими семьями они жили в небольших дощатых домах, построенных на площади рядом с моим жилищем. Каждый повар попеременно готовил по два блюда на завтрак, обед и ужин. Я брал в руку двадцать лакеев и ставил их к себе на стол; остальные прислуживали на полу: одни подносили кушанья, другие тащили на плечах бочонки с вином и прочими напитками. Те, кто находился на столе, ловко поднимали снизу с помощью блоков все приготовленное – будто ведра из колодца. Каждое мясное блюдо я проглатывал в один прием, каждый бочонок вина осушал одним глотком. Здешняя баранина по вкусу уступает нашей, но зато говядина просто превосходна. Как-то мне достался такой большой кусок филе, что пришлось резать его ножом, но это был исключительный случай. Мои слуги дивились, наблюдая за тем, как я проглатываю мясо вместе с костями, наподобие того, как у нас едят жаворонков. Мелкую птицу я брал зараз по двадцать штук, а гусей и индеек съедал по полудюжине.

Король, наслушавшись разговоров о моем аппетите и образе жизни, выразил однажды желание отобедать со мной вместе со своей семьей. Когда венценосные особы прибыли, я усадил их в парадные кресла на своем столе, а стражу и телохранителей поместил по обе стороны. Среди гостей присутствовал и главный казначей Флимнап, исподтишка бросавший на меня злобные взгляды. Однако я делал вид, что ничего не замечаю, и закусывал даже больше обычного, вспоминая любезное моему сердцу отечество. Настроение у меня было замечательное, но, думаю, именно этот обед дал Флимнапу повод окончательно настроить короля против меня. Этот вечно угрюмый и лицемерный лилипут всегда меня недолюбливал, хоть и скрывал свои чувства. Казначей постоянно докладывал королю о плохом состоянии финансов; теперь же он попросил у его величества встречи, чтобы с цифрами в руках доказать, какой ущерб я наношу королевству. Он заявил, что его ведомство вынуждено прибегнуть к займам с огромными процентами, что мое содержание уже обошлось в полтора миллиона *спругов* (а надо вам знать, что в Лилипутии спруг – самая крупная золотая монета, величиною в маленькую блестку) и что было бы благоразумнее выслать меня как можно скорее за пределы изнемогающего от бессмысленных трат государства.

Не исключаю, что причина такого отношения ко мне крылась в другом. Окольным путем я узнал, что Флимнапу пришла в голову фантазия приревновать ко мне свою супругу. Эта почтенная дама, неглупая, но чересчур бойкая, всегда относилась ко мне по-дружески, злые же языки сплетничали, что она воспылала ко мне безумной страстью. Слух о том, что жена казначея тайно навещала меня, наделал много шума при дворе и едва не лишил Флимнапа остатков ума. Мне пришлось торжественно заявить, что это злостная клевета. Да, казначейша навещала меня не раз, однако это делалось открыто; наши беседы проходили в присутствии других дам – чаще всего ее сестры или подруги. Однажды супруга Флимнапа посетила меня вместе со своей дочерью. Я призвал в качестве свидетелей своих слуг, которые подтвердили, что у меня часто бывали гости, в том числе и многие другие придворные. Мои лакеи все отлично видели: и как мне докладывали, кто прибыл, и как я поднимал карету с лошадьми, осторожно нес ее в дом и ставил на стол, как затем садился напротив и дамы, не выходя из кареты, беседовали со мной. После я выносил гостей на площадь, любезно раскладывался и возвращался к себе. Никто никогда не посещал меня тайно, не считая единственного визита государственного секретаря Рельдреселя, да и то по поручению его величества.

Кроме всего прочего, Флимнап досадовал и злился на то, что король даровал мне более высокий титул, чем имел он сам. С супругой он вскоре помирился, однако на меня продолжал смотреть исподлобья. А поскольку король Лилипутии находился под влиянием своего фаворита, то и отношение его величества ко мне продолжало меняться к худшему.

Глава 7

В течение двух месяцев против меня плелась тайная дворцовая интрига. В прошлом мне никогда не доводилось бывать в королевских покоях. Как и любой другой человек, я интересовался судьбами и характерами великих монархов, но никак не ожидал, что в этой маленькой стране царят такие нравы.

Я собирался отправиться на соседний остров по приглашению императора Блефуску. Внезапно поздним вечером слуга сообщил, что меня просят выйти на площадь. У моего жилища остановились закрытые носилки; внутри находился некий знатный придворный, которому я как-то оказал небольшую услугу. Он просил о короткой встрече с глазу на глаз. Отослав носильщиков и велев слуге держать язык за зубами, я поднял носилки и, положив их в карман камзола, возвратился в помещение и плотно прикрыл дверь.

Устроив по обыкновению гостя на столе, я уселся напротив. Вельможа откинул занавеску и обменялся со мной приветствиями. Лицо гостя показалось мне озабоченным, и я прямо поинтересовался о причине, заставившей его прибыть ко мне в столь поздний час. «Запаситесь терпением, – отвечал он, – и внимательно меня выслушайте. Речь идет о вашей чести и жизни...»

Когда посетитель покинул меня, я постарался со всеми подробностями записать содержание нашей беседы.

«Вы должны знать, – начал мой тайный сторонник, – что в последнее время проводились секретные совещания его величества и государственного совета, где обсуждался вопрос о вашей дальнейшей судьбе. Два дня назад король принял окончательное решение. Вам известно, что адмирал Скайреш Болголам буквально со дня вашего появления на побережье Лилипутии стал вашим злейшим недоброжелателем. Причины этого мне не ясны, однако ненависть Болголама только возросла после вашей победы над императорским флотом Блефуску. Адмирал нашел поддержку в лице государственного казначея, верховного судьи и некоторых военачальников – одним словом, тех приближенных, которым король особенно доверяет. Была составлена докладная записка его величеству, и вопрос передали на обсуждение государственного совета. Вы оказали мне однажды важную услугу, и сейчас я считаю своим долгом предоставить вам копию обвинительного акта, направленного против вас. Ознакомьтесь с его содержанием не теряя ни минуты».

Я вынул очки, взял протянутые мне бумаги и внимательно прочитал следующее:

Обвинительный акт против Куинбуса Флестрина, или Человека Горы

Пункт первый

Не преуменьшая заслуг Куинбуса Флестрина, мы, тем не менее, обвиняем его в государственной измене. Вышеупомянутый Флестрин, получив от Его Королевского Величества повеление захватить все до единого корабли неприятеля с целью окончательной победы над империей Блефуску, вероломно отказался его выполнять. Тем самым он разрушил планы обращения враждебной нам империи в провинцию Лилипутии, а также воспрепятствовал уничтожению ереси укрывающихся на острове тупоконечников. Куинбус Флестрин заявил, что не намерен применять насилие для того, чтобы уничтожить свободу невинного народа.

Пункт второй

По прибытии послов императора Блефуску Куинбус Флестрин вероломно содействовал, поощрял, ободрял, увеселял и, наконец, принимал у себя упомянутое посольство. Такие действия совершались им сознательно, несмотря на то что эти люди были слугами правителя страны, который еще недавно вел войну с королевством Лилипутией и до сих пор враждебно настроен против Его Величества.

Пункт третий

Куинбус Флестрин, попирая долг верноподданного, собирается совершить путешествие в империю Блефуску, на которое получил лишь устное разрешение Его Королевского Величества. Полагаем, что Человек Гора, пользуясь милостью короля и ссылаясь на Его Высочайшее соизволение, намерен причинить вред народу Лилипутии, государству и лично королю, бессовестно нарушив условия, на которых ему дарована свобода. Не сомневаемся, что он разделяет взгляды бывшего врага Его Величества, коварного и лицемерного императора Блефуску...»

Далее в этом обвинительном акте, который я привожу лишь частично, мне припомнили все: обжорство, скверный характер, угрозу для населения Лилипутии и даже природные потребности. Я прочел этот примечательный документ, отложил его в сторону и вздохнул.

«Надо признаться, – проговорил мой гость, – что его величество во время дебатов по поводу этого обвинительного акта проявил большую снисходительность, часто ссылаясь на ваши заслуги и старался смягчить ваши преступления. Государственный казначей и адмирал настаивали на том, чтобы предать вас смерти. Предлагалось ночью поджечь ваше жилище или дать вам вместе с пищей яд. Большинство возражало против такого варварства, и король согласился сохранить вам жизнь. На это решение повлиял Рельдресель, который никогда не скрывал своего дружеского отношения к вам. Он заявил, что хоть ваши преступления и велики, но не настолько, чтобы не проявить к вам милосердия – величайшую добродетель властителей. «Не стану скрывать, – продолжал он, – что я дружил с Человеком Горой, однако прошу уважаемое собрание выслушать мое предложение. Учитывая немалые заслуги Куинбуса Флестрина, будет справедливым сохранить ему жизнь, но, в назидание, следует выколоть ему оба глаза. Таким образом правосудие свершится, а физическая сила Человека Горы, которая еще пригодится нашему королевству, будет сохранена. Слепота сделает его беспомощнее и покорнее».

Это предложение было с негодованием встречено почти всеми членами совета. Адмирал Болголам в бешенстве вскочил с места и закричал, что его удивляет, как господин государственный секретарь может заступаться за изменника, который в глубине души является несомненным тупоконечником. «Коварство зарождается в душе прежде всякого действия, – рычал он, – и Человека Гору необходимо казнить!» Государственный казначей был того же мнения. Он еще раз указал на чудовищные финансовые издержки в связи с вашим содержанием. Кроме того, – добавил казначей, – предложение государственного секретаря ослепить преступника грозит еще большими тратами, ибо, как свидетельствует опыт, слепые утки и гуси едят гораздо больше, чем прочие птицы, и быстро жиреют.

Однако король решительно воспротивился смертной казни, заметив, что если государственный совет считает лишение зрения наказанием недостаточным, то всегда будет время вынести другой, еще более суровый приговор. Тут Рельдресель снова взял слово. Речь его касалась расходов на ваше содержание и пропитание. «Уж если дело обстоит таким образом, – обратился он к казначею, – то, постепенно уменьшая количество пищи, можно свести

его к такому минимуму, что Человек Гора начнет худеть, чахнуть, потеряет аппетит и угаснет...» В общем, ваш приятель предложил уморить вас голодом. Этот план решили оставить как запасной, а к исполнению был принят вариант с вашим ослеплением. Постановление совета было подписано всеми членами за исключением упрямого адмирала.

Итак, дня через три к вам явится ваш друг Рельдресель и объявит, что едва-едва спас вас от позорной казни. Затем зачитает обвинительный акт и растолкует, насколько милостив король Лилипутии и какую снисходительность проявили члены государственного совета – ведь вас всего-навсего лишат зрения. Его величество убежден, что вы безропотно подчинитесь приговору. Двадцать лучших хирургов будут наблюдать за ходом операции. Вы просто ляжете на землю, широко раскроете глаза, и самые опытные стрелки сделают вас незрячим за какую-нибудь минуту. Боли не будет...

Вот и все, что я хотел сказать, господин Куинбус Флестрин. Копию обвинительного акта уничтожьте, а дальше поступайте как знаете. Мне пора, иначе не миновать неприятностей. Вынесите меня за пределы вашего дома и – прощайте!»

Оставшись в одиночестве, я задумался. Я не знал – плакать мне или смеяться над нелепыми фантазиями и глупостью лилипутов, и корил себя за то, что вверил свою судьбу столь немилосердному правителю.

Обвинения против меня не были полностью беспочвенными, но факты, все до единого, толковались неверно. Я мог бы попробовать защитить себя в суде, но мне ли не знать, что все политические процессы завершаются так, как угодно судьям. Конечно, мне ничего не стоило превратить столицу Лилипутии в развалины, однако я отказался от этой соблазнительной мысли. Ведь я принес присягу, носил высокий титул нардака, был любим народом этой страны. Недоброжелательство короля, вызванное интригами министров, не освобождало меня ни от обязательств, ни от собственных принципов.

В конце концов я принял решение, которое можно объяснить лишь моей молодостью и горячностью. Я не думал о последствиях и не знал, чем закончится мое бегство. Мне разрешили посетить остров Блефуску – и этим следовало воспользоваться. Поэтому, не дожидаясь официального визита государственного секретаря, я отправил Рельдреселю письмо, в котором уведомлял своего бывшего приятеля о том, что, по любезному разрешению его величества, ненадолго отправляюсь ко двору императора Блефуску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.